

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Н.А. Илюхина

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ОБЩЕСТВЕ

Самарский государственный университет

Повышенный интерес исследователей вызывает состояние метафорики перестроечного и постперестроечного периодов в политическом дискурсе (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, О.П. Ермакова, А.П. Чудинов, Л.В. Терентьева и др.). В описаниях представлены информативные срезы метафорики этого периода. Исследователи констатируют обновление, активизацию, динамизм метафоры в публичной речи.

Публицистика в течение последних 20 лет претерпела кардинальные перемены. Существенно изменились параметры прагматической и нормативно-стилистической организации речи. Затронули эти процессы и политическую метафорическую. Вместе с тем состав метафорических моделей (ММ) в публицистике остается стабильным на протяжении длительного периода.

Чем измеряются динамические тенденции в этой сфере? Появлением новых метафорических моделей? Повышением частотности метафорических словоупотреблений? Ростом удельного веса живых метафор? Каковы показатели изменений в метафорике в целом и в публицистической метафорике в частности?

Ключ к крупноплановому анализу метафорики дает образоцентрический подход, сочетающий семасиологические и когнитивные (в том числе прагматические) принципы. *Метафорическая модель*, в основе которой лежит образ реалии в ракурсе ее ситуативных связей с другими реалиями, стала в отечественной лингвистике преобладающей единицей описания метафорики. Процесс образования, функционирования метафор представляет собой результат воспроизведения в речи устойчивых метафорических моделей (например, ММ дома, перемещения в пространстве, войны, механизма, организма и мн. др.).

Отчасти динамика публицистической метафоры обусловлена изменением частотности употребления тех или иных метафорических моделей, когда в определенный период одни ММ оказываются более предпочитаемыми, другие – оттесненными на периферию. Однако эти показатели, ско-

рее количественные, чем качественные, не являются основополагающими при анализе состояния и эволюции метафорики.

Обратимся к более важным, по нашему мнению, критериям. Адекватная и многоаспектная интерпретация наблюдающейся в современном дискурсе динамики метафоры может быть осуществлена на базе понятия *варьирования*, признанного универсальным свойством языковых и когнитивных единиц, применительно к категории *метафорической модели (образу)*.

Варьирование адекватно интерпретирует саму сущность метафоры, ее креативный механизм, механизм смыслопроизводства. Креативностью как своим имманентным свойством метафора как раз и обязана многостороннему варьированию когнитивного образа и его языковых коррелятов. Именно варьирование обеспечивает динамику в метафорообразовании.

Поэтому параметры варьирования образа могут служить *показателями* изменений в этой сфере. Наиболее репрезентативны три аспекта варьирования метафорической модели – лексическое варьирование образа, семантическое варьирование образа и варьирование его ассоциативных связей.

1. В процессе воспроизведения метафорической модели в речи обращает на себя внимание обычно факт ее широкого *лексического варьирования*. Границы варьирования очерчиваются ассоциативно-семантическим полем (АСП) – совокупностью средств номинации соответствующей реальности в комплексе всех ее сторон, свойств и ситуативных связей. Ср. лексически разнообразное воплощение ММ «дом» при интерпретации общества: *здание государства; коридоры власти; этажи власти; законотворческая кухня; партийное строительство; в фундаменте нового общества; архитектор перестройки; ...несущий каркас будущего Союза Суверенных Государств* (Комсом. правда, 1991).

2. Функционирование метафорической модели невозможно без семантического варьирования образа – актуализации разных, в том числе противоположных, значений. (В большинстве случаев лексическое и семантическое варьирование осуществляются одновременно.) Среди основных аспектов образа дома следует назвать “конструктивные особенности”, “функции” (“жилище для человека”), “строительство”, “разрушение”, “психологические ощущения человека у себя дома” и др. Некоторые из них актуализируются в приводимых иллюстрациях: *Еще любили говорить, что он [Ельцин] умеет ломать, а не строить. Интересное обвинение в пору эпохальной ломки* (Новое время, 2000); *Дом – это вся наша планета. Ощущать себя в этом большом доме комфортно можно, только общаясь друг с другом...* (Студенческий меридиан, 2000).

3. Закономерным для любой метафорической модели является варьирование ее ассоциативных связей – состав характеризуемых ею референтов. Метафорический образ (в отличие от прямой его реализации) не за-

креплен за одним типом референта, имеет тенденцию к расширению интерпретируемых сфер действительности. См. типовые ассоциаты метафорической модели “дом” в публицистике: *фундамент демократии, социализма; обновить фасад государственности; строить новую Россию; партийное строительство* (здание – государство, общество), *закладывать фундамент новой экономики, строить рыночные отношения, ломка экономической системы* (здание – экономика), *строить культуру на новых принципах, кирпичики в здании отечественной науки* (здание – культура, наука) и т.д.

Показанные аспекты варьирования отдельно взятой метафорической модели определяют основные параметры метафорообразования: функционирование метафорической модели характеризуется *широким диапазоном закономерного варьирования* разных ее сторон.

Таким образом, лингвокогнитивный механизм функционирования метафорической модели определяется *центробежной тенденцией*: в коллективном дискурсе образ закономерно актуализирует все составляющие (воплощается во всех аспектах). К тому же, необходимым условием порождения собственно метафоры является ярко выраженная семантическая двуплановость образа, его семантико-экспрессивная новизна, которая как раз и создается в результате разностороннего варьирования.

Вместе с тем далеко не каждый случай метафорического воспроизведения образа в речи уникален. Центробежную тенденцию уравнивает противоположная ей *центростремительная тенденция – тенденция к стабилизации*.

В аспекте лексического варьирования эта тенденция выражается в преимущественном воплощении образа посредством ограниченного числа частотных лексем, которым резко уступают по частотности в качестве метафор периферийные слова АСП. В аспекте семантического варьирования центростремительная тенденция выглядит как *преимущественная актуализация* тех смыслов, которые имеют статус типовых, доминантных для этой ММ. Любая ММ в соответствии с центростремительной тенденцией остается средством характеристики одного или нескольких типовых для нее референтов.

Если центробежная тенденция целиком обусловлена когнитивными факторами – креативными потенциями метафоры и экспрессивными интенциями говорящего (собственно метафору порождает нетривиальное, уникальное воспроизведение образа, т.е. его широкое варьирование), то центростремительную тенденцию обуславливают социолингвистические и системно-языковые факторы. Речь идет о нормативно-стилистическом и культурно-идеологическом влиянии. Нормативно-стилистическая система языка задает более или менее жесткие нормы словоупотребления, именно

в публицистическом стиле они в значительной степени зависят от идеологических установок, языковой политики, культурной традиции.

Итак, функционирование метафорической модели регулируется двумя противоположными тенденциями – тенденцией к разностороннему варьированию, иррадиации, и тенденцией к воплощению в преимущественно типовых вариантах. Преобладание центробежной тенденции приводит к появлению живых, нестандартных, индивидуально-авторских метафор. При доминировании центростремительной тенденции образ воспроизводится в виде стереотипных, полустертых и стертых метафор, фразеологизмов.

Состояние метафорики в тот или иной период, ее своеобразие в определенном дискурсе определяется разным соотношением двух названных тенденций – относительным равновесием или устойчивым доминированием одной из них. Показательно с этой точки зрения сопоставление метафорики в публицистике советского и постсоветского периодов. Отмечаемое многими исследователями существенное различие двух дискурсов в этом отношении во многом, по нашим наблюдениям, объясняется разным соотношением названных тенденций.

Язык политической публицистики советского периода, если говорить о ней в целом, отличается выраженной стереотипностью, формульностью, ритуальностью. В сфере метафорики эта особенность проявляется в устойчивости типовых метафорических словоупотреблений, вплоть до их фразеологизации, в преобладании метафор-клише, – которые являются следствием доминирования центростремительной тенденции над центробежной в процессе воспроизведения метафорических моделей. Метафорические модели в публицистических текстах воспроизводятся с минимальным варьированием – в лексически стереотипных выражениях, в узком диапазоне смыслов (в том числе с однозначными коннотативными оценками), применительно к привычным типам ассоциатов. Всё это и порождает впечатление меньшей образности текста.

В постсоветской публицистике, начиная с периода перестройки, доминирует другая – центробежная – тенденция, которая выражается в резкой активизации варьирования традиционных метафорических моделей в трех указанных аспектах. Это в полной мере относится к ММ “дом/здание”.

Обращает на себя внимание очевидная параллель в процессах метафоризации в сфере публицистики начала и конца XX века, обусловленная преимущественно социолингвистическими факторами. Любая революционная эпоха вызывает активизацию деструктивного аспекта образа дома применительно к государству, общественным структурам, социальным ценностям. Ср. фрагменты из текстов разных периодов нашей революционной истории: *...рухнули капитальные стены империи, и всё смеша-*

лось, и зарычал от гнева и боли стоятидесятимиллионный народ... (А. Толстой. 18-й год); *А ведь товарищ Сталин сказал совершенно ясно и просто: варвары и рабы с грохотом повалили римскую империю* (Ю. Домбровский)

и *Сводь общества рухнули. Предстоит перекладка фундамента* (Собеседник, 1991); *В эпоху глобальных социальных переустройств, когда старые общества рушатся, а новые ещё не созданы, духовные ценности отступают на второй план* (Студенческий меридиан. 1990).

Наиболее ярко такая реализация модели выразилась в программной строке “Интернационала”: *Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем Мы сами, мы новый мир построим...* (Ироническим откликом на это звучит вопрос Ю. Домбровского: *Разве с такими обломками можно было коммунизм построить?*).

В дальнейшем доминантным аспектом образа дома по отношению к советскому государству в первый период и по отношению к демократическому, правовому государству в публицистике конца XX – начала XXI века становится аспект созидательный, который реализован, в частности, в выражениях типа *строить социализм, коммунизм; строительство нового общества, светлого будущего; строители коммунизма; в фундаменте многонационального социалистического государства и, с другой стороны: строить правовое, демократическое общество, строительство новой России, рыночной экономики; ...строить недостроенный Николаем II российский капитализм* (Новое время, 2000); *Коммунизм за 20 лет не построили и решили побыстрее соорудить капитализм. Но почему мы должны строить капитализм образца конца XVIII века?* (Комсом. правда, 2000). Ср. семантически близкое воплощение метафоры строительства дома применительно к советской и к демократической России у М. Горького и у современного нам публициста: *...собираемся строить новую Россию* (Горький) – *Внимательнее нужно нам быть при возведении новых стен здания, имя которому – демократическое общество...* (М. Горбаневский).

Эпоха М.С. Горбачева, вошедшая в историю с ключевым словом-образом *перестройка*, претендовавшим на оживление традиционной метафоры дома, вызвала в обществе и соответственно в публицистике неоднозначную интерпретацию (см. материалы Словаря русских политических метафор А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова). Провозглашенный плюрализм обусловил многообразие интерпретаций и полярных оценок. Креативные возможности метафоры особенно ярко проявляются в способности *одного образа* служить моделью самых разных интерпретаций и оценок. Так, средствами ММ “дом” одни участники дискурса оценивали происходящие в стране события в деструктивной интерпретации (слом, демонтаж, разрушение прежнего общества), другие акцентировали созидательный аспект

происходящего, квалифицируя его как строительство нового общества: *...Вам нравится, когда Вас называют “архитектором перестройки”.* Но комплименты более чем сомнительны – ведь архитектор-то у **развалин** (Г. Зюганов).

При этом типовые контексты первого периода перестройки ещё не содержат идеи разрушения, акцентируют мотив обновления, усовершенствования (в полном соответствии с ключевым политическим термином *перестройка*). Этот смысл отражают сочетания *прорабы перестройки, архитектор перестройки / разрядки, архитекторы новой Европы* (которые позднее в оппозиционной прессе окрашиваются ироническими оценками); *Мы перестраиваем здание, имя которому – СССР* (Комсом. правда, 1989). Постепенно нарастает и становится доминантным мотив коренной перестройки дома – через разрушение старого, ср.: *Перемены были нужны всему общественному организму, в первую очередь его жизненным, базисным структурам. Это уже не курс на “усовершенствование”, не **переделка фасада*** (Студенческий меридиан, 1990); *Даже нынешний депутатский состав вряд ли способен быстро **демонтировать** архаичную государственную **конструкцию** и заменить ее совершенным демократическим институтом правового общества* (Литературная газета).

Ещё одна линия варьирования образа дома, которая затрагивается в докладе, – варьирование типов здания, которые метафорически ассоциируются с государством. Типичным для советского дискурса является образ большого светлого общего дома – СССР (не исключено, что в нём отразился и образ светлого дома будущего из романа Н.Г. Чернышевского “Что делать?”). Этот образ сохраняется и на первом этапе перестройки: *И вот в наш **огромный советский дом** ворвался тугой и свежий апрельский ветер обновления. Ворвался, срывая коросту бюрократизма и чванства, плесень самоуспокоенности и показухи, ржавчину формализма и равнодушия* (Г. Гусев, 1987).

Осмысление перспектив СССР обуславливает варьирование типа жилища с альтернативными коннотативными оценками: [О провозглашении суверенитета бывшими республиками СССР] *Или мы все-таки не **разводимся**? А просто **переезжаем** всей семьей ...из **коммуналки** в большой **многоквартирный дом**? Все-таки **содружество*** (Комсом. правда).

Функционирование ММ “дом” в современном полемическом дискурсе характеризуется актуализацией разных, часто противоположных аспектов его семантической структуры, интерпретирующих одни и те же реалии. Противоположная оценочная интерпретация одной и той же реальности отражает точки зрения публицистов разной идеологической ориентации. Такой диапазон варьирования образа наблюдается в современном дискурсе и по отношению к советскому прошлому страны, и по отношению к современной нам действительности. Критические оценки реализуются в таких вариантах образа дома применительно к СССР, как *казарма* (*казар-*

менный социализм), барак, коммуналка, тюрьма народов (аллюзии на до-революционную публицистику) и даже в наиболее крайних оценках – *бордель, крысарий*: ...критики стали пугать общественное мнение призраком старой России как “**тюрьмы народов**”, источающей из себя идеологию “**великодержавного шовинизма**”... (Р. Гальцева. Новый мир); ...*межэтническая, подчас звериная вражда, которую пытается избежать и смягчить российское правительство, – тоже ведь плод воспитания народа в коммунистическом **крысарии**, само проявление выращенного здесь безбожного «нового человека»* (Р. Гальцева. Новый мир);

Другие участники дискурса характеризуют принципы государственного и социального устройства СССР как норму или даже идеал, а современное состояние значительной части населения бывшего СССР – как бездомность: *Разрушив дом – государство, мы оставляем детей один на один – с холодом и хаосом. Мы их лишаем капитала государственности* (А.Афанасьев. Комсом. правда).

Ревизия ценностей коллективизма, усиление индивидуалистического начала воплощается, в частности, в актуализации образа *индивидуального* дома – в противовес образу *общего* дома.

Идеологическая борьба внутри страны (принципиально отличающая современный политический дискурс от доперестроечного), полемический пафос приводят к усилению субъективного начала, к поискам выразительных, экспрессивных средств. В сфере метафорообразования это проявляется в доминировании центробежной тенденции.

А.М. Плотникова

ЭТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ТОЛКОВЫХ И ИДЕОГРАФИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ (на материале русских глаголов)

Уральский государственный университет

С точки зрения тематики концепты включаются в различные концептосферы, в соответствии с которыми выделяются эмоциональные концепты (*любовь, радость, удивление* и т.п.), религиозные концепты (*Бог, святость, грех*), социальные концепты (*толерантность, приватность, свобода, война*), этические концепты (*ложь, совесть, правда, добро*) и т.д. В этических концептах акцентируется ценностный элемент плана содержания, что позволяет исследовать их с позиций лингвокультурологии.

Рассматривая языковое воплощение концептосферы “*наивная этика*”, Н.В. Орлова выделяет специализированные и неспециализированные язы-